

**ГЕРОИ
ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКИ**

БАРОНЕССА **ИЗ** **ОГПУ**

ХАЧИК ХУТЛУБЯН

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х98

Хутлубян, Хачик Мнацаканович.
Х98 Баронесса из ОГПУ / Хачик Хутлубян. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Герои
внешней разведки).

ISBN 978-5-04-168970-4

В Берлин по приглашению своего друга разведчика Эдуарда Пахомова приезжает известная детская писательница Зоя Воскресенская. В это же время в Берлине происходит загадочное убийство Ганса Крафта — известного антифашиста, бывшего летчика Люфтваффе. Эдуард пришел к нему домой и обнаружил на полу труп Ганса с пробитой головой. Разведчики начинают собственное расследование преступления. Следы убийцы вывели их на американских агентов. Но не это стало для советских нелегалов шокирующим открытием, а достоверная информация о том, кого именно поддерживали и прикрывали американцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168970-4

© Хутлубян Х.М., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Основано на реальных событиях

ЧАСТЬ I

1947 год. 27 ноября. Недалеко от Праги

Время приближалось к полуночи. Дорога на Прагу была пуста. Зашторенное облаками небо низко склонилось над чернеющей горловиной небольшого автомобильного тоннеля, будто пыталось заглянуть в него. Сюда некоторое время назад нырнула темная «Шкода Рапид», что свернула с трассы, срезая путь к чехословацкой столице. Легковик, показавшись из другого конца тоннеля, должен был уже выскочить на дорогу. Но скрежет шин и железный грохот, впережку с глухим звоном разбившегося стекла, говорили... нет, кричали о том, что произошла большая беда!.. Видавшая всякое ночная темь, однако, лишь близоруко щурилась и не могла ничего разглядеть...

Медленно наступал рассвет. Теряя терпение, хмурое ноябрьское утро скользнуло по примороженным лужам и полетело по мо-

Хачик Хутлубян

сковским улочкам, попутно разгоняя сгустившиеся за ночь облака над Лубянской площадью.

1947 год. 28 ноября. Москва. Лубянка

В кабинете заместителя начальника управления по диверсионным операциям генерал-майора Наума Эйтингона горела настольная лампа. Наум Исаакович в который раз перечитал распечатку звонка начальника Управления контрразведки Центральной группы советских войск в Австрии и Венгрии генерал-лейтенанта Михаила Белкина, закурил папиросу и тихо протянул:

— Не-по-ни-маю.

Генерал Белкин, как следовало из написанного, ночью 27 ноября ехал из Карловых Вар в Прагу. Под утро, недалеко от чешской столицы, на обочине перед мостом, увидел разбитую машину «Шкода». В ней — два окровавленных трупа. В одном из них генерал опознал сотрудника бывшего Первого главного управления (внешней разведки) МГБ СССР — недавно преобразованного в Комитет информации — полковника Рыбкина, который находился на переднем сиденье рядом с водителем. Белкин вынул из кармана Рыбкина документы, прихватил полевую сумку полковника и поехал дальше в Прагу, чтобы сообщить о случившемся и потребовать расследования.

Теперь Эйтингону вновь позвонили, только уже из столицы Венгрии, и сообщили, что под Будапештом обнаружена разбитая машина «эмка» и в ней двое: полковник Рыбкин (!) с удостоверением личности в кармане своей шинели и солдат-шофер. Оба мертвы!

— Что происходит? — Эйтингон внимательно посмотрел на погасший окурок в пепельнице и, достав из пачки новую папиросу, прикурил с третьей спички, обломав первые две о бок коробка. Размышляя о произошедшем, он пошел дедуктивным путем — от общего к частному. Полгода назад все советские разведслужбы, в том числе Первое главное управление МГБ, в ходе правительственной реорганизации были объединены в единый орган — Комитет информации (КИ) при Совете министров СССР. В системе КИ действовали восемь управлений, шесть функциональных отделов, а также — два самостоятельных направления: «ЕМ» (эмиграция) и «СК» (советские колонии за рубежом). Реформирование в стадии становления вносило определенную сумятицу в работу структур. Но в разведке служат люди из особого сплава, которых трудностями или даже экстраординарными ситуациями сбить с толку практически невозможно. Полковник Рыбкин — опытнейший разведчик — был из числа таких сотрудников.

«Но что это? Как может один и тот же человек погибнуть дважды в разных местах?! — задавался вопросом генерал. — Какая-то чертовщина! Полковник Рыбкин при выполнении особо важного задания в Праге погибает при невыясненных пока обстоятельствах в автоаварии. На следующий день он же разбивается насмерть под Будапештом?! Полный абсурд!.. Так. Что известно? Известно, что генерал Белкин неожиданно ночью отправился в Прагу из Карловых Вар и поехал не по обычной дороге, а сделал крюк. Зачем?.. Он уже знал, что произошло?.. Если да, то откуда?.. Так. А если... он не знал, что произошло, но знал, что... должно было произойти?.. Стоп!.. Тогда... Что — «тогда»?.. Нет! Чуть! А если он ехал на встречу с Рыбкиным?.. Возможно. А могло случиться, что водитель Рыбкина спешил и, обгоняя в темноте, например... гужевую повозку, не справился с управлением и врезался во встречный грузовик? И да, и нет».

В голове прокручивались вопросы, вплоть до абсурдных. Взаимоисключающие версии то рассыпались, как песок, то появлялись вновь, и все требовалось систематизировать, досконально проверить, чтобы ничего не упустить. А потому отбрасывать какие-либо варианты было нельзя.

Наум Исаакович подошел к окну. Проснувшаяся после долгой ночи Москва как всегда с ходу включилась в водоворот дел. Время полетело без

тормозов. На столе, не считаясь друг с другом, трезвонили телефоны. Хозяин кабинета поднимал трубки, кого-то отчитывал, перед кем-то отчитывался...

И вот странное совпадение: дверь кабинета тихо отворилась, и прекратились телефонные звонки. Вошел помощник:

— Наум Исаакович, вы приглашали полковника Рыбкину. Зоя Ивановна ожидает в приемной.

— Зови. — Эйтингон постучал пальцем по пустой пачке папирос и, смяв ее, бросил в маленькую урну у ног, в углу письменного стола.

— Разрешите? — Полковник Рыбкина вошла в кабинет. Высокая, статная, просто и безупречно одетая, она посмотрела на хозяина кабинета и поняла, что он чем-то взволнован.

— Зоя Ивановна, проходи, садись.

— Благодарю.

В это время вновь открылась дверь, и в кабинет вошла Эмма Карловна Каганова, супруга генерала Павла Судоплатова и добрая приятельница Зои Ивановны. Она вошла без стука и села напротив Рыбкиной.

— Ты что такая хмурая? — обратив внимание на выражение лица, спросила ее Зоя Ивановна.

— Сын коклюшем болеет, — потупив взор, произнесла та. — Всю ночь кашлял...

— Зоя. — Наум Исаакович выдвинув ящик стола, достал из глубины припасенную на черный

день папиросу, прикурил с первой же спички и, затянувшись, дрогнувшим голосом на выдохе сказал: — Зоя, ты женщина мужественная...

— Что-то случилось? — сердцем чуя неладное, перебила начальника Рыбкина.

— Борис погиб, Зоя.

— Борис?.. Какой Борис?

— Муж твой, Борис Рыбкин погиб.

— Как погиб?..

— Выясняем. Произошла автомобильная авария. — Эйтингтон подумал и добавил: — Пришло два сообщения — одно из Праги, другое из Будапешта. Чертовщина какая-то, и там, и там обнаружен погибшим в аварии полковник Борис Аркадьевич Рыбкин.

— Ну вот. Это ведь ошибка? — растерянно спросила Зоя Ивановна, пытаясь вопросом отвести беду, но... в груди что-то сжалось в комок, сдавило дыхание и сделалось душно. — Нет-нет. Борис опытный, умный... осторожный... он не может... не мог погибнуть. Это — ошибка.

— К сожалению, нет.

— Ошибка...

— Сообщение из Праги поступило от генерала Белкина... Мы подключили все ресурсы. Выясняем подробности. Обещаю, все, что удастся узнать, тебе сообщу первой.

— Что?..

— Зоя, произошла большая беда, но необходимо держаться. У нас работа такая. Думаю, тебе... надо домой, немного прийти в себя, собраться с силами... Я ведь понимаю... Эмма Карловна проводит, побудет рядом...

— Нет-нет, спасибо, я сама. У меня дома мама болеет... не хочу, чтобы она заподозрила... — Зоя Ивановна встала, медленно направилась к выходу и уже в дверях обернулась: — Это ошибка, я уверена.

Эмма Карловна вышла следом, не поднимая глаз.

Наум Исаакович покрутил в пальцах погасшую папиросу, взял спички, чтобы прикурить, но, обломав пару штук, бросил коробок на стол и вмял окурочек в пепельницу.

— Как же так, Борис Аркадьевич, как же так, боевой товарищ!..

На следующий день Рыбкину вызвал к себе министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. Он выразил соболезнование и, в свою очередь, заверил, что все обстоятельства дела о гибели полковника Рыбкина будут тщательно расследованы специально созданной комиссией.

Когда Зоя Ивановна вернулась к себе в отдел, ее попросили зайти к генералу Эйтингону.

Наум Исаакович рубанул с солдатской прямотой:

— Зоя Ивановна, ты прошла огонь и воду и отлично понимаешь, какова она — работа разведчика! Порой не только дела и жизнь наших сотрудников засекречиваются на десятки лет, но и обстоятельства героической смерти во имя общего дела — тоже! Одно знай — Борис Аркадьевич погиб, выполнив свой долг перед Родиной до конца. И мы всегда будем хранить о нем светлую память.

— Я получила письмо, которое он послал мне с оказией, — не совсем вслушиваясь в пафосную речь, произнесла Зоя Ивановна. Она достала из кармана жакета сложенный вчетверо листик, раскрыла и прочитала: *«Самый напряженный момент всей моей поездки наступил сейчас. ...в ближайшие дни все станет ясно. Надеюсь, все кончится благополучно. Ты, пожалуйста, не волнуйся. Может быть, пока это письмо дойдет, ситуация у меня изменится к лучшему»*. — Она показала листик Эйтингону. — Письмо датировано 11 ноября. Борис Аркадьевич был человеком уравновешенным и рассудительным. Чувством паники и преувеличения опасности не страдал. Что там могло произойти, Наум Исаакович?

— Он в Праге организовывал связь с нелегальной резидентурой одной из южноевропейских стран. Действительно, был сложный момент. И не только это. Больше ничего не могу сказать. Да и не знаю.

— А кто погиб там... под Будапештом?

— В машине «эмка», что попала в катастрофу под Будапештом, был капитан Суриков в шинели, папаше и с удостоверением личности полковника Рыбкина в кармане.

— Как?..

— Борис Аркадьевич перед отъездом в Прагу оставил свои вещи и удостоверение в Бадене, у капитана Сурикова. Сам же отправился выполнять задание с документом на имя Тихомирова. 28 ноября Сурикова из Бадена, где он находился в командировке, вызвали в Будапешт. Погода — холодная, у капитана не оказалось своей шинели. Он надел шинель и папаху Рыбкина и взял с собой удостоверение личности полковника. Цепь трагических совпадений и случайностей. — Эйтингон замолчал. Из глубин памяти вдруг всплыло: «Случайность — непознанная закономерность, совпадение predetermined событий».

— Странно все это, — выдохнула Зоя Ивановна. — А как получилось, что генерал Белкин ночью нашел разбитую машину с Борисом? Он был в курсе его задания?

— Не знаю, но полковника Рыбкина снабдил удостоверением на имя Тихомирова Александра Николаевича именно Белкин, — ответил Эйтингон и через секунду туманно добавил: — Они должны были встретиться в Праге. Все было predetermined.

— Ясно, Наум Исаакович. Извините за вопросы.

— Понимаю.